

ЦЕНТР БЕЗОПАСНОСТИ

день

Продолжение. Начало — в №№ 22, 24, 26

*Пора чудес прошла, и нам
Отыскивать приходится причины
Всему, что совершается на свете.*
У. ШЕКСПИР, "Генрих V"

*"Нам нравится эта работа — называть
вещи своими именами".*
К. МАРКС

В 2018 Г. в Лондоне вышла книга Д. Эндресса "Культурная деменция. Как Запад потерял свою историю и рискует потерять всё остальное". Начинается она следующей фразой: "Недавние политические события привели Соединённое Королевство, Францию и США в состояние катастрофической культурной деменции", медицинский аналог которой — болезнь Альцгеймера. "Наша нынешняя деменция принимает форму особого рода забывания, ложного воспоминания ("misremembering") и ошибочного восприятия прошлого. В этом смысле — это не ностальгия... Не является это и индивидуальной деменцией — простым случаем амнезии. В большинстве случаев страдающие амнезией осознают тот факт, что они не помнят... Те же, кто страдает деменцией, не осознают сам факт, что они не помнят". Именно последнее, по мнению Д. Эндресса, происходит с современным западным (как он его называет, я предпочитаю термин "постзападное") обществом. Оно лишается своих корней в истории — они вырываются.

"Когда в начале XXI в. стало совершенно очевидно, что экономический прогресс остановился, руша иллюзии непрерывного улучшения, и её место занял обман", исчезла сама вера в возможность прогресса. Недаром уже в 1990-е годы в Западной Европе и США стали появляться книги с названиями типа "Конец прогресса", "Конец будущего", "Поминки по просвещению" и т. п. А ведь предупреждал британский историк Эдвард Карр: "Общество, которое потеряло веру в способность к прогрессу в будущем, скорее покинет историю". Социальному и "физическому" покиданию истории предшествует духовное — эмоциональное и интеллектуальное (кстати, ещё в 1969 г. другой британский историк, Джон Глэм, опубликовал книгу с почти пророческим названием — "Смерть прошлого"). Обман, о котором пишет Эндресс, принимает самые разные формы, одна из которых — переписывание истории Европы с позиций неолитализма, с одной стороны, и мультикультурализма, с другой. Так появляются "чёрная Афина", спасители античной мысли в арабском мире и многие другие ложные схемы.

Состояние социокультурной деменции, безусловно, способствовало мультикультуралистским манипуляциям. Из здесь возникает вопрос: как это связано с нынешней фазой системной, цивилизационной эволюции (или инволюции?) Европы. Западная Европа — действительно старое общество. Речь идёт не о физическом возрасте значительной массы населения, хотя, как отмечают исследователи, демографическое доминирование на нынешнем "Западе" пожилых не имеет прецедентов в истории и создаёт почти неразрешимые проблемы для здравоохранения и поддержания равновесия между работающими и неработающими (если добавить сюда падение рождаемости, которое связано с сытостью, гедонизмом, гомосексуализмом, гипериндивидуализмом — коротко говоря, с социальными и половыми извращениями, то ясно: уже у ближайших поколений европейцев вообще нет гарантий пенсии). Речь, однако, о другом: о цивилизационной (системной) старости. Или, если угодно, о поздней, завершающей фазе цивилизационного развития.

Одной из черт таких фаз, по мнению историков, социологов и психологов является утрата обществом, прежде всего правящим слоём социального и этнокультурного чувства самосохранения; развитие сменяется общественной климатерией и инволюцией. Утрачивается восприимчивость к идеальному, к метафизике: наступает торжество утилитаризма и экономоцентризма. Происходит изменение социальных ролей в межполовом разделении труда. Демаскулинизация и феминизация, в свою очередь, способствуют формированию тревожно-боязливой психотики, не способного к защите "своего" от "чужого" (мы это видели, в частности, на примере немецких мужчин, оказавшихся неспособными защитить своих женщин во время устроенной мигрантами в Кёльне "секс-фесты"; есть много других аналогичных примеров; а ведь неспособность самцов защитить самок и детёнышей — один из первых признаков вырождения вида), склонного к психическим отклонениям обсессивно-компульсивного истеричного и параноидального типов. Как известно, рыба гниёт с головы. Иллюстрацией сказанного выше служит целый ряд высокопоставленных клерков США и Западной Европы последней четверти века. Так и вспоминаются деграданты-императоры позднего Рима.

Вообще, есть немало сходства между нынешним Постзападом и поздней Римской империей (конец III — середина VI в. н.э.), а точнее — ПостРимом. Дело в том, что после кризиса III в., после полувека военной анархии (235—285 гг. н.э.), когда за 50 лет сменились 20 императоров: от Максимиана Фракийца до Карина, — Рим уже перестал быть Римом. Я не сторонник схем Л.Н.Гумилёва, но некоторые его

термины вполне хороши как метафоры. ПостРим — это химера, химерическое общество, где в прежней оболочке существует, вызревает и питается соками прошлого нечто чужое или даже чуждое.

Завоз в Рим огромного количества рабов, предоставление их освобождённым потомкам римского гражданства, распространение последнего на всю империю (эдикт Каракаллы 212 г. н.э., в значительной степени способствовавший кризису III в.) принципиально менял этнокультурное содержание общества.

Империя ещё существовала, во многом как скорлупа, но её хранили главным образом слабость соседей и военная сила, позволявшая держать лимес вплоть до рубежа IV—V вв. н.э., когда пошёл процесс вывода (ухода) легионов с дальних рубежей империи: II Августова легиона из Британии, I легиона Минервы (как тут не вспомнить "Сова Минервы выплетает в сумерки" — сумерки империи) — с Рейна, III Киренаикского — из Аравии, IV Парфянского — с территории нынешнего Ирака, IV Скифского — из Сирии. Эта география позволяет понять: ПостРим держался военной силой — пока не "сгнил", не варваризировался изнутри. После этого рухнул однополярный мир поздней Античности.

Андрей ФУРСОВ

ВПАЛИ В БЕСПАМЯТСТВО...

*О расовых, культурных
и религиозных изменениях
в Старом Свете*

ПостРим разбухал "сбродом" из приграничных районов империи, который в качестве "плавильного котла" становился "питательным бульоном" для распространения в Риме чуждых ему африканских и азиатских культов.

В ПостРиме некому было противопоставить что-либо этой химеризации. Уже к середине II в. н. э. Рим, по сути, лишился своих лучших — старой аристократии: её косили два с половиной столетия (10 поколений!). Сначала — марианский и сулланский террор, затем войны триумвиратов — Первого и Второго, ну и, наконец, безумства позднего Тиберия, Калигулы, Клавдия и Нерона. Место аристократии заняли "нувориши", включая преторианцев и вольтноотупщенников. К этому необходимо добавить моду на широко-распространённый гомосексуализм и добровольную бездетность элиты в позднем Риме — и картина маслом завершена. Эта бездетность, кстати, очень напоминает бездетность высокопоставленных клерков, возлагающих нынешнюю Европу. Есть и другие аналогии. Так, две мировые войны выкосили в Европе пассионарную молодёжь, чаще всего погибали лучшие — мощный удар по генофонду, если брать Запад, то прежде всего — Германии. Немецкий случай XX в. в сравним с потерями немцев в Тридцатилетней войне (1618—1648), выкосившей 2/3 населения, уничтожившей практически всё мелкое и среднее дворянство.

Также мы видим распространение в Европе чуждых ей религий (ислам) и культов. Есть просто поразительные случаи. В частности, известный советодоб и русофоб папа Иоанн Павел II признал нигерийскую традицию ифа, известную на Гаити и в Латинской Америке как вуду, частью католической религии: традиция ифа/вуду получила статус конфессии, то есть фактически приравнена к православию и протестантизму. Вуду-католицизм из "Анкапавов" Вадима Панова — не выдумка и не фантастика, это — реальность, пусть и отдающая сюрреализмом. Постзапад встречается с ПостРимом в Ватикане; западная цивилизация закатившая во многом так же, как античная. Да и просуществовали они примерно одинаковое время: в зависимости от точек отсчёта — от 12 до 15 столетий.

НЫНЕШНЯЯ СИТУАЦИЯ, однако, объясняется не только (а в каких-то важных аспектах не столько) цивилизационными факторами, сколько теми, которые марксисты называют формационными. В данном случае речь идёт о капиталистической системе, которая существенно изменила европейскую цивилизацию и фактически тащит её вместе с собой в пропасть.

Почему Шпенглер именно в 1918 г. опубликовал свой "Закат..."? Ясно почему: закончилась мировая война, которая подвела черту под "цивилизацией XIX века", то есть под зрелой фазой истории капиталистической системы. Эта война, как и следующая за ней, стёрла с лица земли огромные материальные (промышленно-экономические) комплексы, и экономический бум капитализма в 1920-е—30-е, и особенно в середине 1940-х — середине 1960-х годов, во многом были обусловлены и обеспечены бурным восстановлением экономик Германии, Италии, СССР, которое в огромной степени стало стимулом, мотором мирового развития.

Всё это свидетельствует о простой вещи: капитализм исчерпал свою экономическую динамику на рубеже XIX—XX вв.; собственно, об этом с той или иной степенью приближения писали столь разные люди, как Ленин и Каутский. Дальнейшее развитие капитализма имело своей основой внеэкономическую динамику — военно-политическую борьбу. Причём, поскольку рим уже был поделён, колониальная и полуколониальная системы оформились, это уже не могла быть борьба Запада с афро-азиатскими слабками. Это могла быть только борьба (война) европейских (северотлантических) военно-промышленных гигантов. Если с середины XVIII

в. по конец XIX в. войны были функцией промышленно-экономического развития, то в XX в. само это развитие в значительной степени стало функцией не просто тотальных (таковыми были уже наполеоновские) войн — войн на уничтожение, — которые вели между собой государства внутри европейской цивилизации, представляющие её разные варианты: англосаксонский, германский и русский. Это и стало началом заката Европы и превращения Запада в Постзапад. Решающую роль в этом сыграло изменение динамики капитализма, который, в свою очередь, есть порождение, дитя, хотя и не вполне законное, самой европейской цивилизации.

Начало заката Европы совпало с окончанием гегемонии Великобритании и подъёмом Германии и США (американцы какое-то время решали, с кем войти в союз — с Германией или с Великобританией; выбор в пользу последней определили два фактора: "сшивший" англосаксонских "кузенов" еврейский капитал по обе стороны океана и англосаксонский страх перед германским гением — научной, культурно-интеллектуальной и экономической мощью Второго рейха), а следовательно, внутризакатной схваткой за мировую гегемонию и русской революции.

«Притча о слепых» (1568). Художник Питер БРЕЙГЕЛЬ Старший

Притом, что в 1930-е — первой половине 1940-х годов американцы использовали Третий рейх для борьбы с Британской империей. В 1943 г. человек Рокфеллеров Аллен Даллес прямо заявил, что главная задача войны — разрушение Британской империи (а СССР — для борьбы с первым и второй); в ходе самой войны англосаксы решали и общую для "англо-американского истеблишмента" (Кэрролл Куигли) задачу: раздвинуть немцев и навсегда устранить их как внутризакатного, интракапиталистического конкурента. Россия (в виде СССР) была вне Запада и вне капитализма, и задача её разрушения была поставлена только в 1944—1945 гг., когда война была уже выиграна. Иными словами, важный элемент заката Европы — подавление Германии и немцев англосаксами. Однако по иронии истории — и логике развития капитализма — следующей фазой заката стало подавление европейцев, включая британцев, иммигрантами из Азии и Африки. При этом, однако, больше всего досталось опять же немцам. Это был главным образом целенаправленный процесс, и корни его уходят во Вторую мировую войну и в то, что предшествовало ей в 1930-е годы. В этом плане прямая линия очерчивается из первой половины 1940-х годов в начало XXI в. — результаты наводнения Европы (в первую очередь Германии) мигрантами и миграционному кризису 2015 г.

В 2018 ГОДУ номер журнала The Economist от 14—20 апреля вышел с материалом, посвящённым Германии, — "установочной" редакционной статьёй и подборкой статей. В редакционной статье взахлёб нахвалялись правление Меркель в целом и особенно её политика "открытых дверей" по отношению к мигрантам. В качестве достижений: формирование более инклюзивной ("включающей", "широкой") идентичности, чем этническая, национальная; её распространение на тех, кто не имеет немцев среди своих родителей и вообще предков; развитие "сбалансированной гендерной культуры" (число работающих женщин за последние 15 лет выросло с 58 до 70%); немцы стали больше разводиться и меньше вступать в брак, в то же время легализованы гомосексуальные браки.

Если перевести это на нормальный язык, то на самом деле речь идёт о постепенном разрушении семьи и о том, что в условиях усиления эксплуатации неолиберального типа всё больше женщин вынуждены работать, чтобы сохранить семейный бюджет на прежнем уровне, а также о том, что разрушается немецкая идентичность. "Экономист" с восторгом констатирует, что Германия утрачивает этническую гомогенность и превращается в "плавильный котёл",

в открытую страну, состоящую из различных фрагментов, — в переводе на нормальный язык: утрачивающую национально-культурную целостность. Что же касается "плавильного котла", то он не состоялся даже в США, не говоря уже о Западной Европе, — о чём пишут открыто; но хозяевам "Экономиста" это не указ. Мультиэтничность Германии, радостно сообщая журнал, находит отражение и в политической жизни, и даже в спорте, в частности — в футболе. Если в 2009 г. члены парламента с "мигрантским бэкграундом" составляли 3%, то в 2017 г. — уже 9%, хотя реально репрезентативной цифрой было бы 23% — именно такое количество граждан ФРГ не имеет немецких корней. Если в 1990 г. когда немцы стали чемпионами мира, в сборной ФРГ были только немецкие (и немецко-польские) фамилии, то на первенстве Европы 2016 г. в сборной были Боатенг, Озил, Подольски, Сане и Гомес (с корнями, соответственно, из Гаити, Турции, Польши, Сенегала и Испании).

Ныне, когда Германия превращается в Einwanderungsland ("страну иммигрантов"), когда практически никто не осмелится повторить фразу, сказанную ветераном ХДС Альфредом Дрегером в 1982 г.: "Возвращение иностранцев-гастарбайтеров на родину должно быть правилом, а не исключением", — меняется само понятие "родины" ("Heimat"). Показательно, что, по информации журнала "Экономист", в самый разгар миграционного кризиса Меркель заказала карту, на которой границы Германии как бы охватывают Северную Африку, Украину и Турцию. Этим она хотела показать готовность, во-первых, принять беженцев и мигрантов из этих стран; во-вторых, стремление Германии играть стабилизирующую роль в этих регионах и странах. Что касается Турции, то она в такой роли Германии вряд ли

«Притча о слепых» (1568). Художник Питер БРЕЙГЕЛЬ Старший

нуждается, ну, а на Украине "стабилизирующая" роль Германии и "коллективного Запада" очевидна всем.

Само наличие мигрантов меняет жизнь и поведение "коренных немцев", делает их "новыми немцами". Именно так называли свою книгу Герфрид и Марина Мюнклеры, с удовлетворением, я бы даже сказал, радостно констатирующие, что "статичная Германия" уходит в прошлое, вместе с чёткими ("stark") национальными границами и прежней идентичностью. Новая Германия становится более открытой, неформальной, разнообразной, но и — вынуждены констатировать супруги — более тревожной и нервной.

Выходит, плата за "открытость" — стрессы, тревоги, более нервная жизнь? Выходит, так. Неслучайно в ФРГ появляется всё больше книг с названиями "Нервная республика" (и будет нервная, если учесть связанный с мигрантами рост преступности, прежде всего — в крупных городах типа Берлина, Мюнхена, Кёльна, больше похожих своим интернациональным составом друг на друга, чем на окружающие их немецкие земли и, как все мегаполисы, превращающихся в неовавилонские башни, само появление которых предвещает катастрофу и провал в темновековье), "Страх за Германию" (и будет страшно, если под Новый 2015 год в одном только Кёльне около тысячи женщин подверглись сексуальным нападением), "Конец Германии" (кстати, наибольшую численность в Германии составляют лица в возрасте 50—54 лет). Неслучайны в качестве реакции на мигрантов рост правых и крайне правых настроений и движений (13% партии "Альтернатива для Германии", быющей — за немечью идентичностью и подвергающуюся критике со стороны "левых" и "зелёных"). Кстати, лидер последних, Джем Оздемир, — сын турецких гастарбайтеров; логично, что наиболее активные люди с мигрантскими корнями идут к "левым" и "зелёным".

Одна из статей подборки в "Экономист" так и называется "Новые немцы", а над заголовком — фото, показывающее нам этих "новых немцев": их три десятка (20 мужчин и 10 женщин), среди них — араб в традиционной одежде, турок и турчанка, женщина в чадре, хасид. Над ними реют огромные евросоюзские флаги; маленький немецкий флажок торчит где-то сбоку, как бедный родственник, — его держит в руке существо неопределённого пола, которому профессор Преображенский обязательно задаст бы вопрос: "Вы мужчина или женщина?" И вспоминается сказанная Черчиллем в 1940 г. фраза о том, что Великобритания воюет не с Гитлером и даже не с национал-социализмом, а с немецким духом, духом Шиллера, чтобы он никогда не возродился.

Окончание следует

ЭКСПЕРТИЗА ДУГИНА

В НАШЕ ВРЕМЯ доминантным взглядом на историю стало представление о прогрессе — постоянном улучшении, накоплении, усовершенствовании общества, культуры, технологии. Это догма нашего времени, даже религия. Всё толкование общественных процессов строится на некотором безусловном догмате прогресса.

Это представление основано на философском концепте — "становлении". Становление — это постоянное изменение. Прогресс придаёт становлению линейный характер и считает, что всё идёт только в лучшую сторону. Но само становление изначально оценивается как нечто положительное. Прежде чем придать становлению характер прогресса, философия Нового времени реабилитировала становление.

"Становление" — это важный термин в философии Платона и Аристотеля, соотносившийся с понятием бытия. Бытие рассматривалось как вечное, неизменное, бессмертное, всеохватывающее, а становление — второстепенное. Поэтому у Платона представление о душе являлось попаданием вечной сущности в мир становления. После пребывания в этом мире становления, считавшемся полуднным миром, душа возвращалась на свою онтологическую прародину — в бытие.

Христианская модель отрицает предсуществование души, отбрасывая первую половину платонического учения — выход из вечности, считая, что душа творится Богом.

Новое время решило радикально покончить с этим "половинчатим" представлением о душе, сказав, что души и вечности нет, есть только становление. Хорошее становление можно назвать прогрессом, плохое — регрессом. Становление всегда рассматривалось относительно бытия — бытие и было мерой становления. Об этом хорошо говорил румынский философ Константин Бойка: он разделял бытие и становление "к бытию". Так вот, становление к вечности — правильное, а само по себе — плохое.

Но если мы принимаем полностью только истину становления, мы с необходимостью отбрасываем бытие. Нет ни платоновской души, ни христианской. Философия Нового времени утрачивает бытие вообще как некую референтную точку, и становление становится разнуданным.

Но чтобы не впасть в ужас от ликвидации бытия, необходимо смягчить стихию безумия. Вот для этого нужна идея прогресса, которая считает, что всё становящееся хорошо. Постепенно процесс автономизации от бытия рано или поздно должен привести к элиминации (упразднению) любой формы идентичности. Латинское "identitas" ("то есть") онтологично, представляет собой бытие. Человек, который сохраняет идентичность, подражает бытию. Задача современной культуры — растворить культуру, упразднить свидетеля, который знает о становлении как внешнем явлении.

Тогда субъект полностью растворяется в процессе — будет один прогресс, а человек станет его функцией. Отсюда распыление сознания, предложение рассмотреть человека не как иерархическую структуру, а постмодернистски: провести его "демократизацию", где каждый орган принимает своё решение, а человек становится тканью процесса и в конечном итоге должен быть заменён на что-то, что более соответствует становлению в чистом виде. Делёз называл это "шизоассамблеями", или "ризомой" (когда человек "распыляется", и не имеет места нигде, кроме "сетевой грибкины").

Но когда становление полностью поглотит бытие, некому будет сказать, что произошло. Когда человек перестанет быть человеком, не останется свидетеля, который скажет, что человека убивают — будут только потоки смс-сообщений и информационных агентств, утверждающие совершенно другую повестку дня, за которыми содержание процесса потеряется.

Александр ДУГИН

DENTV.R.U

СМОТРИТЕ ТЕЛЕКАНАЛ «ДЕНЬ»

ИЗБОРСКИЙ КЛУБ

Илья ГОРЯЧЕВ. Тьма крошечная: повесть, рассказы. — М.: Центрполиграф, 2018. — 351 с.

ИЗВЕСТНА такая история: юный Дмитрий Мережковский принёс свои первые литературные опыты маситому Ф.М. Достоевскому. Фёдор Михайлович, глянув на оные, сказал: "молодой человек, чтобы хорошо писать, надобно сначала хорошоно пострадать". У русской литературы в особливой мере имеется некая не вполне разгаданная связь со "страданиями" разного рода: "Тёмен жребий русского поэта / Неисповедимый рок ведёт / Пушкина под дуло пистолета, / Достоевского на эшафот" (М. Волошин). Эшафот ли, дуло пистолета, тюрьма, каторга, ссылка, концлагерь — в судьбах русских поэтов (скажем шире — русских литераторов) всего этого как-то особенно "много" в сравнении с литературами иных народов и стран... "Объяснить" тут едва ли можно что-либо рационально: "тёмен жребий" и "неисповедим рок"! — писательские судьбы бывают крайне трагичны, но русская литература, несомненно, обогащается сим экстремальным и трагичнейшим опытом, претворённым в слово... Ни себе, и никому не пожелаем ни тюрьмы, ни сумы, хотя и зарекаюсь от них не след... Достоевский, Шаламов, Лимонов etc. (при всей колоссальной разнице между ними) — сочлены одного "тюремного-лагерного клуба", причастники познания "торжества метафизики" (Лимонов) по ту сторону колючей проволоки...

Волею "неисповедимого рока" к сему "клубу" сопричислен и автор представляемой книги — Илья Горячев... Достаточно заметный некогда правый политик, один из лидеров русских националистов, осуждённый к пожизненному заключению. Эта книга — его первый опыт художественной прозы, "книга из каменного мешка"... Примечательно, что сей первый опыт прозы зека-пожизненника сопровождается благосклонным напутствием Эдуарда Лимонова, как бы "удостоверяющим" вышеотмеченное вступление в "клуб"... Тексты, собранные в книгу, весьма причудливы, источником вдохновения для автора послужили опричьносударя Иоанна Грозного и инквизиторский "Молот ведьм"... вплоть до довольно неординарного взгляда на противостояние в современном Донбасе в повести "Волонтёр"... Не станем, впрочем, пересказывать всех тем и сюжетов книги, лишая тем самым возможного читателя удовольствия и пользы от ознакомления с ней.

Очередной (2018, № 4(60)) выпуск журнала "Изборский клуб" освещает тему цифровой реальности. В статье "Господин мем" Владимир ЕИСТРАТОВ, объясняя, что такое мем, утверждает: "Нам навязали очередной дарвинизм — информационный: представление о борьбе мемов, в которой выживает самый лучший". Авторы в своих работах говорят о войне мемов, о том, насколько в век интернета страны могут сохранять свой суверенитет, о вызове цифровой колонизации.

В номере представлены работы Виталия АВЕРЬЯНОВА "Интернет и суверенитет", Валерия КОРОВИНА "Россия и Запад в меметической войне", Виталия ДАРЕНКОГО "О ментальной войне и семантической борьбе", Алексея БОЛДЫРЕВА "На передовой войны слов", Алексея КОМОГОРЦЕВА "Коренная сила русского фольклора", Михаила КИЛЬДЯШОВА "Вместо пули слово заряду", Натальи СКОУТРИДАКИ и Александра ПАШИНА "Внимание: индустрия игр!"

Александр ЕЛИСЕЕВ в статье "Сталин — творец советских русских мемов" пишет: "Иосифу Виссарионовичу принадлежит множество высказываний, сделанных в яркой афористичной форме. Некоторые из них стали мемами, наложившими сильный отпечаток на общественное сознание", — и анализирует их в контексте массовой культуры.

Также в журнале опубликованы материалы круглого стола "Информационный суверенитет и диктатура интернет-монополий", авторский экспертный доклад Сергея БАРАНОВА "Тринадцатый знак. Мемы в информационной войне против русского народа", беседа Виталия АВЕРЬЯНОВА и Петра КАЛИТИНА "О метемике отечественного кино". Рубрика "Библиотекарь" знакомит с новыми книгами членов и экспертов Изборского клуба. Поэма Леонида КОРНИЛОВА "Русский реактор" представлена в "Стихах".

Справки по телефону 8-985-256-91-24.